

Научная статья
УДК 343.1
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-2-65-69>

Технологии формирования уголовно-процессуальных доказательств

Власова Светлана Владимировна

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, Vlasovasvetla@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется модное в современной отечественной теории уголовно-процессуальных доказательств понятие, объясняющее закономерности формирования уголовно-процессуальных доказательств как средств доказывания. Одной из главных закономерностей, по мнению автора, является взаимосвязь определенной технологии формирования доказательств с видом обвинения. Следственная форма выдвижения публичного, равно как частно-публичного, обвинения детерминирует и следственную технологию доказывания. Переход к обвинительной системе сделает состязательной технологию формирования доказательств в уголовном суде.

Ключевые слова: технология доказывания, уголовный процесс, обвинение, следственная форма

Для цитирования: Власова С. В. Технологии формирования уголовно-процессуальных доказательств // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 2 (58). С. 65—69. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-2-65-69>.

Original article

Technologies for the formation of criminal procedural evidence

Svetlana V. Vlasova

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, Vlasovasvetla@yandex.ru

Abstract. The article analyzes a concept that is fashionable in the modern Russian theory of criminal procedural evidence and explains the patterns of formation of criminal procedural evidence as a means of proof. One of the main such patterns, according to the author, is the relationship of a certain technology for the formation of evidence with the type of prosecution. The investigative form of bringing forward a public, as well as a private-public accusation, determines the investigative technology of proof. The transition to an accusatory system will make the technology of forming evidence in a criminal court adversarial.

Keywords: technology of proof, criminal process, accusation, investigative form

For citation: Vlasova S. V. Technologies for the formation of criminal procedural evidence. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 2 (58), pp. 65—69. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-2-65-69>.

Важное значение для современного научного понимания доказывания имеет понятие «формирование доказательств», предложенное профессором С. А. Шейфером и нашедшее широкое распространение в современной уголовно-процессуальной литературе [1, с. 27, 41—43; 2; 3; 4, с. 126—127]. Сам С. А. Шейфер утверждал, что доказательства формируются органом предварительного расследования с участием стороны защиты, а также прокурора, суда; главным образом, формирование

происходит в ходе предварительного расследования. Он подчеркивал при этом, что орган предварительного расследования обладает наибольшими ресурсами и возможностями для формирования доказательств [5]. Такой же позиции придерживаются и его последователи [3]. При этом ими презюмируется, что автономное формирование доказательств недоступно подозреваемому, обвиняемому, защитнику, потерпевшему и другим заинтересованным лицам, не уполномоченным на совершение следственных

© Власова С. В., 2022

действий и составление протоколов следственных действий [3, с. 102].

При таком (следственном) подходе суд вряд ли может конкурировать со следователем в формировании доказательственных фактов по делу (средств доказывания) и тем самым — в установлении истины. Суд в следственной модели уголовно-процессуального доказывания играет вспомогательную, дополнительную роль в установлении объективной истины.

Можно утверждать, что следственная власть в полной мере распространяется как на обвинение, так и на его доказывание — избличение обвиняемого. Следственное обвинение доказывается субъектами, обладающими процессуальными полномочиями на выдвижение такого обвинения, — органами предварительного расследования.

Мы полагаем, что каждому виду обвинения соответствует своя технология уголовно-процессуального доказывания. Это объективно обусловлено тем, что на обвинителе лежит бремя доказывания обвинения. Уголовно-процессуальный закон в первую очередь определяет правовой стандарт, по которому суд допускает доказательства в качестве средств его доказывания. Кто обвиняет, тот и доказывает. Тот, кто через обвинение приводит в действие судебный механизм, формирует и доказательства, которые могут быть положены судом в основание своего решения. Не суд, не сторона защиты, а обвинитель и следователь являются теми субъектами доказывания, чей статус и форму деятельности имеет в виду законодатель, создавая определенную технологию формирования доказательств.

Под технологией доказывания мы будем понимать, отталкиваясь от основного значения термина «технология» [6], систему способов, приемов, посредством которых субъект доказывания формирует доказательства своих спорных утверждений, участвует в формировании доказываемых фактов в суде.

Как уже отмечалось, технологии доказывания определяются видом обвинения. Но не только им одним. И доказывание, и обвинение составляют часть уголовно-процессуальной системы. Так что технология доказывания складывается в системе: следственной или состязательной или, как у нас сейчас говорят, в смешанной следственно-обвинительной системе.

В развитие этого тезиса надо остановиться на том, из чего складывается технология доказывания. В научной литературе сложился уже достаточно обширный круг мнений на этот счет [7; 8].

Технологии выражаются в синтезе целей, описаний реальных ресурсов (возможных средств) и нормативных предписаний (правил, следование которым позволяет, привлекая средства, достичь желаемого результата) — допущение о едином онтологическом (экзистенциальном) статусе сущего, желаемого должного и возможного [9, с. 22, 27; 10, с. 40; 11, с. 27—41].

«Технология юридического познания являет собой осуществляемый в регламентированном действующим законодательством порядке, последовательности и объеме процесс установления обстоятельств, имеющих правовое значение» [12, с. 78].

Согласно мнению Ю. П. Боруленкова, технологию юридического познания возможно определить как последовательную целостную взаимосвязанную систему действий субъекта, направленных на эффективное и качественное решение познавательных задач, или планомерное и последовательное воплощение на практике научно обоснованного и заранее спроектированного юридического процесса [13]. По его мнению, технологическая структура юридического познания значительно шире процедурной в смысле процессуальной формы и раскрывается в системе процедурных, информационно-познавательных, познавательно-аналитических и тактических аспектов познавательной, организационной, плановой, управленческой деятельности, представляя единый технологический процесс [14].

На наш взгляд, в определении технологии доказывания надо учитывать три составляющие: форму, процедурное знание, правовой стандарт (доказанности). Все три компонента мы увязываем с доказыванием «предмета обвинения»: вначале — в виде подозрения, затем — в форме следственного обвинения и, наконец, в виде обвинения в суде.

Как пишут некоторые авторы, понятие «формирование доказательства» неразрывно связано с понятием «уголовно-процессуальная форма» [15]. Это понятие указывает на важнейшее качество уголовно-процессуального доказывания/познания — на то, что оно осуществляется в определенной форме или, если использовать семиотику, в виде знаков. Доказательства — это знаки в знаковой системе. Из доказательств-знаков формируется текст: история о преступлении и преступнике, его совершившем, которая признается достаточно правдоподобной, чтобы применить насилие в виде уголовной ответственности к преступнику [16].

Поэтому можно сказать, что технология доказывания — это формирование процедурного знания определенного уровня о преступлении, лице, его совершившем, позволяющее и предписывающее органу уголовного преследования совершать процессуальные действия с целью привлечения виновника к уголовной ответственности.

В целом о технологии уголовно-процессуального доказывания можно говорить как об упорядоченной законом уголовно-процессуальной деятельности субъектов доказывания для создания процедурного знания — основания правоприменительного решения.

Применительно к обвинению уголовно-процессуальная технология доказывания подразумевает формирование доказательств обвинения. Опять же оговоримся, что под «доказательством обвинения» здесь понимается совокупность доказательств, полученных и представленных обвинением в обоснование обвинительного тезиса — утвердительно суждения, ставящего под сомнение презумпцию невиновности обвиняемого человека.

Можно сказать, что технология доказывания — это есть технология выработки знания определенного уровня. Уровни процедурного знания — это некая степень уверенности «обвинителя», возникающая при наличии этого знания, в том, что лицо причастно к совершению преступления, и потому допускающая применение к нему мер процессуального принуждения той или иной меры интенсивности при получении новых доказательств. Указанные уровни процедурного знания целесообразно обозначить термином «стандарт доказанности» (подозрения/обвинения).

Стандарт доказанности в свете теории обвинения — это фактические основания для процессуальных решений о реализации уголовного преследования, что формируются в деле по ходу доказывания [17, с. 415] по мере «достижения все более высокой степени вероятности процедурного знания об обстоятельствах, которые входят в предмет доказывания обвинения [18, с. 55].

Считаем возможным опереться в наших построениях относительно понятия «стандарт доказанности» на разработки англо-американской уголовно-процессуальной научной школы относительно «баланса вероятностей», которые получили закрепление в общепринятых международно-правовых стандартах.

Можно говорить о двух главных стандартах доказывания: 1) стандарт доказанности

виновности в совершении преступления в суде: это стандарт вне разумного сомнения Reasonable doubt; 2) стандарт доказывания обоснованное подозрение (Reasonable suspicion), разумные основания подозревать reasonable grounds for suspicion), вероятная причина или достаточное основание (probable cause), разумно считать (reasonable to believe) или разумные / обоснованные основания полагать (reasonable ground to believe), отдельные достоверные доказательства (some credible evidence).

Стандарт «вне разумного сомнения» определен в статьях 216 (2), 216 (3) Модельного УПК США: обвиняемый не должен быть осужден за совершение преступления, если обвинитель не докажет вне разумного сомнения, что обвиняемый его совершил. Содержание стандарта доказывания «вне разумного сомнения» заключается в том, что для вынесения обвинительного приговора в суде на основе представленных стороной обвинения доказательств должен сформироваться уровень убеждения в достоверности факта виновности обвиняемого в совершении преступления, исключающего любые разумные сомнения [19, с. 49].

В соответствии со статьей 1 (40) Модельного УПК США обоснованное подозрение означает наличие доказательств и информации такого качества и надежности; они свидетельствуют о том, что лицо могло совершить преступление. В комментарии к указанной статье отмечается, что стандарт доказывания «обоснованное подозрение» будет соблюден, когда офицер полиции на основании конкретных объективных фактов или выводов и с учетом собственного опыта считает, что лицо совершило преступление. Указанный стандарт является частично объективным и частично субъективным и представляет собой меньший груз, чем стандарты «возможная причина», «баланс вероятностей» и «вне разумного сомнения» [19, с. 37, 43].

Мы приходим к следующим выводам относительно стандартов доказанности по делам публичного и частно-публичного обвинения в совершении преступлений экономической направленности. С учетом существования в нашем праве следственных институтов подозрения и обвинения стандарты их доказывания должны быть различными. В этой связи намечаются три стандарта доказанности решений по привлечению и реализации досудебного уголовного преследования: 1) о начале уголовного расследования; 2) о применении меры пресечения или иных мер уголовно-процессуального принуждения; 3) о формулировании

подозрения — в связи с совершением следственных действий с участием подозреваемого. И два судебных стандарта: 1) предъявления и обоснования обвинения; 2) вынесения обвинительного приговора или иного судебного акта, в котором конституируется основание уголовной ответственности и реабилитирующее основание освобождения от таковой (в связи с применением правовой меры альтернативной уголовному наказанию).

Считаем, что технология доказывания зависит от модели обвинения. По делам различных моделей обвинения складываются свои модели формирования доказательств подозрения/обвинения, которые после их исследования судом могут стать основаниями решений о применении мер правового принуждения, включая меры уголовно-правового воздействия.

Завершая это положение применительно к обсуждаемому вопросу, можно сказать, что «технология доказывания» есть неотъемлемая составляющая сущности обвинения; доказывание обвинения порождает «уголовно-правовые» результаты, имеет материально-правовые последствия.

Доказательство в логике (аргументации) — это есть выводение из основания тезиса, в нашем случае — это связка доказываемого (обвинения) с фактическим основанием.

Список источников

1. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: монография. М.: Норма, 2008.
2. Семенцов В. А. Формирование доказательств в структуре уголовно-процессуального доказывания // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвузовский сборник научных трудов / под ред. В. А. Лазаревой. Самара: Самарский госуниверситет, 2010. С. 236—242.
3. Россинский С. Б. Собираение доказательств как «первый» этап доказывания по уголовному делу // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 3. С. 101—103.
4. Победкин А. В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 464 с.
5. Шейфер С. А. Прокурорская и следственная власть: сущность и проблемы взаимоотношения // Уголовное судопроизводство: научно-практическое пособие в 3 т. / под ред. Н. А. Колоколова. М., 2016. Т. 2. С. 23—27.
6. Зайцев О. А., Пастухов П. С. Использование информационных технологий в российском уголовном судопроизводстве // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5. С. 40—43.

7. Александров А. С., Андреева О. И., Зайцев О. А. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 199—207.

8. Стельмах В. Ю. Сущность формирования доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2016. № 4. С. 69—73.

9. Тульчинский Г. Л. Социальные технологии и знание // Философские науки. 2014. № 10. С. 22—27.

10. Марков М. Технология и эффективность социального управления. М., 1982.

11. Технология социальной работы: учебник для бакалавров / под ред. Е. И. Холостовой, Л. И. Кононовой. М., 2012.

12. Сычева О. А. Тактика судебного следствия: монография. Ульяновск, 2012.

13. Боруленков Ю. П. Технологическая структура юридического познания как композиционный элемента правовой системы общества // Юридическая наука и правоохранительная практика. Научно-практический журнал. 2013. № 3 (25). С. 11—20.

14. Боруленков Ю. П. Технологии юридического познания: понятие и содержание // LEX RUSSICA. Научные труды МГЮА. 2015. № 7. С. 7—20.

15. Власова С. В., Хмельницкая Т. В. О доктринальной модели формирования уголовно-процессуальных доказательств в состязательном уголовном судопроизводстве // Общество и право. 2016. № 1 (55). С. 137—143.

16. Абдуллаев Я. Д., Миллер В. Ю. Две концепции формирования доказательств в уголовном процессе // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 1 (53). С. 75—79.

17. Кухта А. А. Доказывание истины в уголовном процессе: монография. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2009.

18. Рудич В. В. Организационно-правовой механизм применения мер пресечения в уголовном процессе: монография. М.: Юрлитинформ, 2018.

19. Model Codes for Post-Conflict Criminal Justice. Vol. II. Model Code of Criminal Procedure. Edited by Vivienne O'Connor and Colette Rausch with HansJoerg Albrecht and Goran Klemencic. Washington: Unites States Institute of Peace Press, 2008.

References

1. Sheifer S. A. Evidence and proof in criminal cases: monograph. Moscow: Norma Publ., 2008. (In Russ.)
2. Sementsov V. A. Formation of evidence in the structure of criminal procedural proof. Actual problems of the modern criminal process in Russia: interuniversity collection of scientific papers / ed. by V. A. Lazareva. Samara: Samara State University, 2010. Pp. 236—242. (In Russ.)

3. Rossinsky S. B. Collecting evidence as the “first” stage of proof in a criminal case. *Legal Bulletin of Samara University*, 2020, vol. 6, no. 3, pp. 101—103. (In Russ.)
4. Pobedkin A. V. Theory and methodology of the use of verbal information in criminal procedure evidence. Dissertation... doctor of legal sciences. Moscow, 2005. 464 p. (In Russ.)
5. Sheifer S. A. Prosecutorial and investigative power: the essence and problems of relationships. Criminal justice: a scientific and practical guide in 3 volumes / ed. by N. A. Kolokolov. Moscow, 2016, vol. 2, pp. 23—27. (In Russ.)
6. Zaitsev O. A., Pastukhov P. S. The use of information technologies in Russian criminal proceedings. *Bulletin of economic security*, 2016, no. 5, pp. 40—43. (In Russ.)
7. Aleksandrov A. S., Andreeva O. I., Zaitsev O. A. On the prospects for the development of Russian criminal justice in the context of digitalization. *Bulletin of the Tomsk State University*, 2019, no. 448, pp. 199—207. (In Russ.)
8. Stelmakh V. Yu. The essence of the formation of evidence in criminal proceedings. *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2016, no. 4, pp. 69—73. (In Russ.)
9. Tulchinsky G. L. Social technologies and knowledge. *Philosophical sciences*, 2014, no. 10, pp. 22, 27. (In Russ.)
10. Markov M. Technology and efficiency of social management. Moscow, 1982. (In Russ.)
11. Technology of social work: textbook for bachelors / ed. by E. I. Kholostova, L. I. Kononova. Moscow, 2012. (In Russ.)
12. Sycheva O. A. Tactics of judicial investigation: monograph. Ulyanovsk, 2012. (In Russ.)
13. Borulenkov Yu. P. Technological structure of legal knowledge as a composite element of the legal system of society. *Legal science and law enforcement practice. Scientific and practical journal*, 2013, no. 3 (25), pp. 11—20. (In Russ.)
14. Borulenkov Yu. P. Technologies of legal knowledge: concept and content. *LEX RUSSICA. Scientific works of Moscow State Law Academy*, 2015, no. 7, pp. 7—20. (In Russ.)
15. Vlasova S. V., Khmel'nitskaya T. V. On the doctrinal model of the formation of criminal procedural evidence in adversarial criminal proceedings. *Society and Law*, 2016, no. 1 (55), pp. 137—143. (In Russ.)
16. Abdullaev Ya. D., Miller V. Yu. Two concepts of the formation of evidence in criminal proceedings. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 1 (53), pp. 75—79. (In Russ.)
17. Kukhta A. A. Proving the truth in criminal proceedings: monograph. N. Novgorod: Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2009. (In Russ.)
18. Rudich V. V. Organizational and legal mechanism for the application of preventive measures in criminal proceedings: monograph. Moscow: YurLitinform Publ., 2018. (In Russ.)
19. Model Codes for Post-Conflict Criminal Justice. Vol. II. Model Code of Criminal Procedure. Edited by Vivienne O'Connor and Colette Rausch with HansJoerg Albrecht and Goran Klemencic. Washington: United States Institute of Peace Press Publ., 2008.

Информация об авторе

С. В. Власова — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

S. V. Vlasova — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 27.04.2022; одобрена после рецензирования 27.05.2022; принята к публикации 09.06.2022.

The article was submitted 27.04.2022; approved after reviewing 27.05.2022; accepted for publication 09.06.2022.